

тетрадь: Июль–август 1941», «Декабрь под Москвой: Июнь–декабрь 1941», 1942, «Дороги ведут на Запад: Январь–май 1942», «Я пою победу: 1943–1945», 1946 и мн. др.; С. опубликовал тогда 17 стихотворных книг) не случайно определяют как лирическая хроника: с одной стороны, видно стремление автора к хронологической точности (знаменательны даты в названиях книг), с другой — к лирической проникновенности. Среди таких стихов выделяются «Лес притаился, безмолвен и строг...», «Человек склонился над водой...», где поэт воплощается в своего героя и передает движения его души. Или стих. «Бессмертие», повествующее об угасании смертельно раненного солдата (его поэт сравнивает с гаснущей свечой) и завершающееся обращением к умирающему: «И весь в свеченье небосвод высокий. / И степь под снегом празднично светла. / Ты слышишь? В травах оживают соки / От каждой капли твоего тепла». Стих. наполняется даже философским смыслом.

В послевоенные годы С. много путешествует в составе лит. и общественных организаций. Видит и Иран, и Англию, и Китай, и Индию... На основе впечатлений от поездок создает книги «Миру — мир!» (1950), «Восток и Запад» (1957), «Песни о человечестве» (1961). И хотя первая была удостоена премии (правда, Сталинской), нигде за рамки прикладной политической публицистики поэт не выходил. Общественный темперамент С. заглушил поэтический. В жанре лит. критики он написал ряд статей, составивших книгу «Голоса времени: Заметки на полях истории литературы. 1934–1965» (1965). Переводил с украинского, белорусского, венгерского, урду и др. яз.. Занимался и редакторской работой: он ответственный редактор «Лит. газ.» (1944–46), ж. «Огонек» (1945–53); с 1962 по 1975 — главный редактор «Краткой литературной энциклопедии» (8 томов). Писал вступ. статьи к поэтическим книгам, в частности Демьяна Бедного и Анны Ахматовой.

Соч.: СС: в 4 т. М., 1965–66; СС: в 4 т. М., 1978–80; Эстафета дружбы: стихи зарубежных поэтов / пер. А. Суркова. М., 1968; После войны: стихи 1945–1970 годов. М., 1972; Шаги времени: Стихотворения, маленькие поэмы, песни. М., 1983.

Лит.: Кулинич А. Алексей Сурков. Киев, 1953; Владимир С., Молдавский Д. Стихи Алексея Суркова. Л., 1956; Гринберг И. Поэзия Алексея Суркова. М., 1958; Резник О. Алексей Сурков. 3-е изд. М., 1979.

Г. В. Филиппов

СУХОВ Федор Григорьевич [14.3.1922, с. Красный Оселок Лысковского р-на Горьковской обл.— 7.1.1992, там же] — поэт.

Участник Великой Отечественной войны, после демобилизации работал в колхозе, в 1954 окончил Лит. ин-т им М. Горького. Первые стихи опубликовал во фронтовой печати. Автор сб. стихов, вышедших в Москве, Горьком и Волгограде: «Родные просторы» (1954), «Поспевают ягоды» (1956), «Половодье» (1958), «Дождь сквозь солнце» (1961), «Стихи» (1963), «Голубая улица» (1961), «Малиновый звон» (1967), «Лепестки» (1968), «Моя жар-птица» (1964), «Красный Оселок» (1970, 1984), «Мое призвание» (1971), «Былина о неизвестном солдате» (1972), «Светло красуйтесь» (1974), «В гостях у незабудок» (1975), «Песня лета» (1978), «Земляника на снегу» (1979), «Ясень» (1979), «Сладкая полынь» (1978), «Плач Ярославны» (1982), «Лешева дудка» (1987), «Постать» (1988), «Мать-и-мачеха» (1989).

Творческая индивидуальность С. определилась не сразу, не с первого сб. стихов, как это было у мн. поэтов фронтового поколения:

Ф. Г. Сухов

чтобы стать самим собой, прорваться к «малиновому звону» своей души, ему довелось приложить немало усилий для изживания расхожих идеологических стереотипов и поэтических штампов. Только к середине 1960-х стало вполне ясно, что своеобразие поэта проявляется главным образом в его особом, восходящем к традициям Есенина восприятии родной природы и в чуткости к народному строю речи, его древним истокам, устным и книжным. Эти особенности были предопределены той средой, природной и социальной, в которой родился и жил С. В стих. «Подснежник» поэт видит нечто символическое даже во времени года — в ранней весне, когда он родился: «Был явлен я на свет в середине марта, / По старому — в начальный день весны, / Когда Авдотья — замочи порог / На вытканные за зиму холсты / От полноты душевной прослезилась». Однако после первой капли ударил мороз, а новорожденный в это время чуть не умер: «Меня в передний угол положили / И стали ждать, когда освобожу / Я этот свет от своего дыханья. / И только дед мой, — он не ждал, он верил / В дыхание подснежника. Он знал: / Подснежника морозом не убить. / И отступился от меня мороз. / А вытканные за зиму холсты / Мой дед на собственный припрятал саван...» Благодарность деду связалась в творчестве поэта с благодарностью всем предкам, без которых невозможна жизнь потомков. А вера деду в то, что «подснежника морозом не убить», стала верой внука в неодолимость весны, в живительные силы природы, которые помогают переживать беды и лихолетия, сохранять жизнелюбие. Вторая часть стих. воспринимается как выражение коренных, пантеистических по своему духу убеждений С.: «Мир уходящим! И благословенье / Всем приходящим! Верую в весну, / В ее черемуху, в ее ромашку / И ощущаю кровное родство / С любой сошедшей на луга травинкой, / Не потому, что сам травой стану, / А потому, что я дышу, живу... / И благодарно кланяюсь Авдотье. / Она при появлении моем / От полноты душевной прослезилась — / Погожее мне посулила лето / Своей — сквозь солнце пролитой — слезой».

Для пантеистического мировосприятия С. характерен и его рассказ о том, как он, уходя на фронт, прощался с родными местами: «Провожали меня на войну, / До дороги большой провожали. / На село я прощально взглянул, / И вдруг губы мои задрожали. / Ничего б не случилось со мной, / Если б я незначай разрыдался, — / Я прощался с родной стороной, / Сам с собою, быть может,

прощался». Родная природа является для юноши частью его самого, и он прощается с ней, как с самим собою: «Поспевала высокая рожь, / Наливалась густая пшеница, / И овес, что так быстро подрос, / Прямо в ноги спешил поклониться. / Заиграла, запела гармонь, / Все сказала своими ладами, / И платок с голубою каймой / Мне уже на прощанье подарен. / В отдалении гром громыхнул, / Был закат весь в зловещем пожаре... / Провожали меня на войну, / До дороги большой провожали».

Теме Великой Отечественной войны, кроме лирических стих., посвящены поэмы С. «**Былина о неизвестном солдате**» и «**Земляника на снегу**». В последней из них поэт попытался представить переживания и размышления генерал-фельдмаршала Паулуса, связанные с ходом Сталинградской битвы, которая существенно изменила его взгляды.

С. использовал жанр драматической поэмы или драматического повествования, в котором написаны «**Илья Муромец**» и «**Красная палатка**». Оба произведения прежде всего интересны старинным складом речи, которым говорят былинные богатырь, протопоп Аввакум и др. герои. Язык этих произведений, как и лирики поэта, насыщен пантеистической образностью.

Соч.: Подзимь: Избранное / вступ. статья Ал. Михайлова. М., 1985.

Лит.: Шестинский О. Жаворонок в солнечной сини // Нева. 1962. № 1; Бойко В. Радость зеленая // Волга. 1968. № 11; Михайлов А. Жаворонок в поднебесье // Михайлов А. Живут на Руси поэты. М., 1973; Кожин В. Поэтический мир Федора Сухова // Наш современник. 1973. № 3; Харчев В. Вкус полыни // Лит. обозрение. 1983. № 8; Забавский В. «Что ни дерево — небу свеча...» // Лит. Россия. 1990. № 20. 18 мая.

М. Ф. Пьяных

СУШКО Александр Максимович [10.11.1938, Днепродзержинск] — поэт, прозаик.

Мать, Евдокия Тихоновна Подустова, происхождением была из орловских крестьян. Прадед со стороны матери отца, Максима Николаевича Сушко, был польским ксендзом. Родители имели высшее образование — мать окончила горный ин-т в Днепропетровске, отец железнодорожный ин-т там же. В годы войны отец по болезни был эвакуирован в Березники. Мать с детьми в 1942–43 пережила вражескую оккупацию (в Красном Луче). В послевоенные годы соединившаяся семья немало поездила — по служебным делам ро-